Вырезка из газеты
г. Москва
ПРАВДА
от 12 февраля
1973 г.

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

К 100-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина

Великий артист... Что включает в себя это понятие? Шаляпин обладал очень хорошим голосом и многими другими счастливыми для оперного артиста качествами: красив, могуч, высокая фигура гибка и пластична, а лицо идеально подходит для любого грима. Ухо предельно музыкально, а глаз «востер».

Он рисовал, как художник, лепил, как настоящий скульптор. С мужиками — он мужик, с аристократами — аристократ, с художниками — художник, с музыкантами — музыкант, а с историками — историк... Но везде он — Шаляпин со своей уникальной способностью впитывать все разнообразие особенностей народа, нации, личностей, с безграничными потребностями открытия в искусстве природы человеческих страстей.

Но и этого мало. Многообразные художественные способности еще не составили бы того явления, которое мы называем словом «Шаляпин». Здесь должен был присутствовать гений мудрости и души, гений национального чутья, гений, концентрирующий в художественном образе идеи века.

Знаете ли вы, что знаменитая граммофонная запись «Дубинушки» была сделана артистом в 1907 году? Только подумать: в годы жесточайшей черной реакции он поет «Дубинушку», и не где-нибудь в интимном кругу, а открыто и смело, на века фиксируя воплощенный в песне дух народной твердости, убежденности в своей силище и вере в реально грядущий справедливый и гневный расчет с рабством.

Творческий компас Шаляпина чутко реагировал на веяния времени. Да, не до конца осознанно, да, во многом стихийно, интуитивно, а потому часто непоследовательно. Но первородство его таланта глубоко национально, народно. Легко доказать истоки его творчества, обратившись к тем страницам биографии артиста, когда искусственная и трагическая потеря им животворящих соков жизни и творчества, идущих от народа и родины, поставила пределы его росту.

Принципиальная особенность творческого портрета Шаляпина заключена в том, что лучшие его образы — это не только исполнение авторского замысла, а художественное сочинение, первооткрытие артиста, основанное на всестороннем познании первоисточника в совокупности с историей, общественными условиями, жизнью. Царь Борис, пьяница Еремка, посол ада Мефистофель, целая вереница знаменитых его созданий сплавлялись из проницательного анализа музыкально-драматургических идей композитора, знания людей, истории и богатейшего творческого воображения. Творческое и идейное взаимообогащение слова, музыки и действия давали артисту величайшие возможности для утверждения принципов высокого реализма.

Нет спора, хорошо пел Шаляпин, хорошо мог и декламировать, а его сценический темперамент и артистическое обаяние являлись предметом зависти самых выдающихся драматических актеров. Но говорить о частностях его таланта — значит принижать его оперную исключительность.

Шаляпин — создатель единства средств оперного образа, совокупность которых стала «наукой» современного музыкального театра. Кому из тех, кто хоть чуточку чтит принципы оперного искусства, придет в голову называть Шаляпина басом? Это равносильно тому, что о прекрасно построенном здании сказать «хороший кирпич». Бас — признак физиологический, а совсем не художественный. Голос Шаляпина — это главный знак характера и чувства действующего лица. Это гнев и

сарказм, разгул и любовь, самоотверженность и тоска, покой и торжество... Голос певца — проводник, ведущий нас по сложнейшим переходам души изображаемого персонажа, голос — отражатель его чувств. Он то могуч, как бас, то нежен, словно ультралирический тенор; он и летает мотыльком, резвясь, словно колоратурное сопрано, и убаюкивает нас бархатом контральто. Это все зависит от смысловой и художественной надобности.

Жизнь и ее борения во всей их прекрасной сущности — вот питательная среда творчества Шаляпина. Ему противопоказана красивость. Он искал красоту в раскатах бурлацких песен, тонкой нежности деревенских попевок, уничтожающем смехе дьявола. Его красота — родная сестра правды, образ которой художник создавал по высочайшим принципам эстетики реализма. За правдой гибнущего в лесу патриота или замерзающего в снегу горемыки-мужичка, за галлюцинациями Бориса или пьяным кривляньем «дьявола в армяке» стоял Шаляпин с возвышенной душой художника, как Пушкин за строкой «Евгения Онегина» или Гоголь за каждой репликой «Ревизора». За любым шаляпинским образом чувствовался художник, разящий всяческую мерзость, воспитывающий в человеке величие. Величие в смерти и победе, печали и надежде.

Много поразительных оперных образов создано Шаляпиным, и ни один — вне исторической принадлежности, вне общественно-социальной атмосферы. Тут и Мефистофель, и Базилио, и король Филипп II, и Иван Грозный, и Фарлаф, и Гремин. Но, может быть, самым большим его художественным подвигом было открытие «интонации» Мусоргского. Именно этот композитор определил в конце XIX века будущее развитие музыки, и в первую очередь оперную драматургию. Суровая правда о русской жизни, вскрытая Мусоргским в операх и песнях, наполненная нежной сыновней любовью к родине, породила национальную глубину творчества Шаляпина и нашла в его лице лучшего интерпретатора и пропагандиста. Правда жизни, обогащенная стремлением и надеждой, преобразуется Шаляпиным в правду художественного образа, становится красотою искусства. Потому-то его творчество вышло за рамки художественных достижений, стало общественным явлением, приметой определенной эпохи.

Почва, вскормившая явление, именуемое Шаляпиным, — это русская демократическая художественная традиция. Впитав ее соки, Шаляпин своим творчеством «сформулировал» критерии искусства музыкального театра, смыл с него пыль рутины и штампа.

Есть любители смаковать трагически негативную сторону шаляпинской судьбы последних лет. Вечный калейдоскоп гастролей, успех на вечер, неминуемая при этом повторяемость, ограниченность репертуара. Ни своего театра, ни коллектива единомышленников...

Не эту горькую шаляпинскую судьбину последних лет надо помнить нашим современникам, а подражать непрерывному, упорному стремлению к поисками правды в искусстве, стремлению к наиболее полному художественно-образному отражению идей века. Учиться у Шаляпина времен дружбы его с М. Горьким, времен создания образа Годунова, времен «Дубинушки»...

Естественно было ждать, что последние годы Шаляпина подведут итоги его художественных достижений, формулированию метода, организации системы творческих принципов оперного артиста. Увы, этому не суждено было свершиться. Высокое предназначение оказалось невыполнимым в условиях, в которые артист себя поставил. И тут на ум невольно приходит параллель: Шаляпин не смог создать на чужбине то, что смог сделать у себя на родине К. Станиславский...

Однако по многим творческим примерам Шаляпина, его высказываниям на страницах книг, письмам, по воспоминаниям о нем современников мы определяем вехи его принципов, справедливо называемые шаляпинскими традициями. Учение об интонации, роль воображения в творческом процессе создания образа, проблема жеста в опере, художественная мера как обязательное условие создания сценической правды, природа самочувствия актера на сцене и контроль за ним — вот основные пункты того, что смело можно назвать учением Шаляпина и что мы наследуем. Реализм, народность, глубокое проникновение в духовный мир человека, совершенство художественной формы — вот основные черты артистического облика Шаляпина. Они вошли как непременные элементы в наш современный метод — метод социалистического реализма.

Сто лет со дня рождения Ф. И. Шаляпина отмечается нами не как воспоминание о далеком, хотя и почтенном имени. Это имя не нуждается в популяризации и защите. Оно давно стало достоянием нашей культуры. Для нас творческая жизнь великого русского артиста — не закрытая, хотя и блистательная, страница былого, а живая наука о природе музыкального театра, призыв к безграничной требовательности и ответственности художника перед искусством, перед временем.

Б. ПОКРОВСКИЙ.
Народный артист СССР.